

М-910 ч. 9.

2284/6 Х. МУРАТОВ

НА ДНЕПРЕ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1944

Цена 50 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00684022

4

T

1/
32B 355.11

2/ 355.112

гара аниозауи
[о зери саверени
соуза Барикове
Барисе]

3) 9 (c) „1941...“ Зери

М-910-н.л.

Х. МУРАТОВ

НА ДНЕПРЕ

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

Проверено
ЦНБ 1989

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Інв. № 2284/7.

58
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕ ВЛЕСИ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1944

К ЧИТАТЕЛЯМ

Просим дать отзыв о содержании книги и ее оформлении. В отзыве укажите свой адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать сбор читательских отзывов на эту книгу.

Весь материал направляйте по адресу: Москва, Новая площадь, д. 6/8, изд-во «Молодая гвардия».

Редактор Б. Евгеньев

Подписано к печати 24/VI 1944 г. Л5499С. 3/4, печ. л. 1,3 уч.-изд. л. 60 000 зн. в печ. л.
Тираж 50 000. Заказ 806. Цена 50 коп.

Ф-ка юнош. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, ул. Фридриха
Энгельса, 46.

«...Хороша развесистая, белоствольная, светлозеленая, веселая береза, но еще лучше стройная, кудрявая, круглолистная, сладко-душистая во время цвета, не ярко, а мягко-зеленая липа, прикрывающая своими лубьями и обутывающая своими лыками православный русский народ. Хорош и клен со своими лапами-листьями (как сказал Гоголь); высок, строен и красив бывает юн... Коренаст, крепок и могуч, в несколько обхватов толщины у корня, бывает многостолетний дуб...»

Голос отца, читающего «Записки ружейного охотника» Аксакова, уносится далеко-далеко. Борис не слышит больше его. Не густые чащи белорусского чернолесья, не пахнущую прелью землю, не лучи солнца сквозь причудливую решетку ветвей видит он. Чужд и далек ему весь этот мир отца, влюбленного в свое дело лесника. По вечерам в палисаднике, заросшем жасмином и сиренью, Борис мечтает о подвигах челюскинцев и папанинцев, жадно вчитывается в рассказы о путешествиях Беринга, Нансена, Амундсена. Арктика, голубая и белая, пушистые медведи, сливающиеся с льдинами и прикрывающие черную точку носа лапой, блестящие, словно лакированные, моржи снятся ему по ночам.

Арктика — мечта раннего детства. Когда Борису Царикову было девять лет, он так увлекся эпопеей челюскинцев, что вытащил спрятанную в камышах от-

цовскую рыбацью лодку и со своим другом Сережкой отправился путешествовать. Проплыли они по течению Сожа десять километров, ну, а потом вернулись пешком домой: есть очень хотелось.

Больше Борис не пытался удирать из дому, но твердо решил сделаться мореплавателем, когда станет большим. А до тех пор жажда путешествий утолялась в Гомельском дворце пионеров, где он руководил кружком юных географов. По вечерам он возвращался домой, мурлыкая где-то подслушанную песенку:

Из Ливерпульской гавани,
Всегда по четвергам,
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам...

Будущее казалось прекрасным, полным необычайных приключений и открытий, да и настоящее было неплохо: каждый день узнаешь что-то новое о мире.

Немецкие бомбы оторвали Бориса от юношеских мечтаний. Над городом неся гул чужих самолетов, по клинкерным мостовым стучали кожаные сапоги немецкой солдатни. Краснорожий фельдфебель, размахнувшись, высадил окно во Дворце пионеров. Из кленов старого гомельского парка поставили на площади виселицу.

Отец Бориса погиб под городом в отряде гомельских ополченцев. Мать и брата Анатолия угнали на каторжные работы в Германию. В квартире поселился немец-ефрейтор. Он растапливал печку книжками Кайгородова, Аксакова, записками Кренкеля, Амундсена. Палисадник был перерыв гусеницами немецких танков.

Борис внезапно остался бездомным сиротой, заброшенным, никому не нужным, голодным мальчишкой, без будущего, без всякой цели в жизни. Он убежал в деревню к дяде-кузнецу Прохору Кузьмичу. Два месяца

мальчик ковал железо в колхозной кузнице. Всю злобу и отчаяние, всю силу своего недетского горя вкладывал он в удары молота. Старый кузнец ворчал:

— Тяжело бьешь, убавь малость...

Скоро гитлеровский террор докатился и до деревни, где жил Борис. Немцы стали жечь дома. Один фашист ворвался в кузницу с диким криком:

— Сбегай!.. Жигать будем...

Кузнец отрицательно покачал головой и развел руками, показывая, что ничего не понял. Ни на минуту не задумываясь, немец выстрелил в старика. Кровь текла по белой бороде кузнеца; он хрипел и корчился, царапая заскорузлыми пальцами земляной пол. В это время пламя вспыхнувшей соседней хаты осветило самодовольственную улыбку немца, вытиравшего лоб платком. У Бориса помутилось в глазах. Он схватил тяжелый кузнечный молот и бросился на убийцу.

Удар был страшен. Голова немца треснула, как тыква. Борис поднял его автомат, выскочил из кузницы и побежал к лесу.

2

Долго брел по лесу Борис. Солнце зашло, спустились сумерки, наступила ясная октябрьская ночь. В изнеможении он опустился на почерневший дубовый пенек и прислонился спиной к дереву. Стало очень холодно — из кузницы Борис выбежал в полотняной спецовке и кожаном фартуке. И снова, как в Гомеле, чувство бессильной ярости и тоскливой безнадежности охватило его. Не выдержав жгучего отчаяния, он заплакал.

Звездное октябрьское небо заволокло тучами, деревья глухо шумели на ветру. В лесу стало еще страшнее и бесприютнее, но ощущение безнадежности и тоски гропало. Борису стало стыдно за свои слезы. Он вскочил на ноги и побрел в темноту леса. По дороге он раз-

думывал о судьбе своих любимых героев — Нахимова и Корнилова, о том, что жизнь и для них была порою не легка, но что ему никогда не приходилось читать, чтобы адмиралы терялись и отступали перед трудностями, и о том, что, как бы ни зверствовали немцы, не жить им на советской земле.

Когда рассвело, Борис дошел до приднепровского города Лоева. На развалинах кирпичного дома он прочел листовку, призывавшую советских людей, оставшихся в тылу врага, к партизанской войне. На улице никого не было. Борис долго стоял перед клочком бумаги и перечитывал простые и жесткие слова, напечатанные на машинке густым фиолетовым шрифтом. Вот и найден путь!.. Ему теперь казалось, что ночью, когда он вспоминал героев-адмиралов, он думал, собственно, о том, что было написано в партизанской листовке.

В Лоеве Борис разыскал приятеля своего отца, Дениса Степановича Радзюка, стал жить у него и подружился с его сыном Сашей Радзюком.

Очень скоро Борис рассказал о своем намерении сделаться партизаном Саше Радзюку и его другу Коле Кудренку. Оказалось, что это общая мечта новых друзей. Они много читали о партизанской войне 1812 года, цитировали наизусть записки Дениса Давыдова.

— Теперь так воевать нельзя, — заметил, слушая их, Борис, — то есть не то что нельзя, а надо иначе...

— Это как же? — удивился Саша.

— Да ведь Денисов действовал на проселочных дорогах, а мы должны на железных. Один человек с зарядом тола может дать бой целому эшелону солдат, а потом... — Борис вдруг осекся и неуверенным голосом закончил: — Только я беспартийный, а вы комсомольцы...

Саша Радзюк не дал ему договорить.

— А мы будем считать тебя тоже комсомольцем. Я же вижу, что ты действительно комсомолец. Только дай торжественное обещание.

— Не обещание, а клятву, — поправил Коля Кудренко.

С этого дня Борис Цариков товарищи стали считать комсомольцем, хотя это нигде и не было записано. А еще через несколько дней мальчики отправились в путь.

В пригородной деревне, около сожженного дома, они увидели группу плачущих женщин и детей.

— Что с вами, мамаша? — спросил Борис старуху, в отчаянии бившуюся на земле.

— Немцы сына ее сожгли, — прошептал малыш в ватничке.

На пепелище Цариков увидел восемь обгорелых трупов. Оказалось, что накануне немецкая машина наскочила в этой деревне на мину. Вечером приехал карательный отряд. Немцы хватали в деревне первых попавшихся мужчин, избивали их до полусмерти и бросали еще живых в горящую хату.

Страшно было смотреть на скорченные почерневшие тела, но еще страшнее было безвыходное отчаяние матерей, жен и ребят, рыдавших над трупами. Борис поглядел на малыша в ватнике, стоявшего над трупом отца, и жалость к нему и грусть о самом себе горячей волной залили его сердце.

— Мсть? — дрогнувшим голосом сказал он, повернувшись к товарищам.

— Мсть! — звонкими мальчишескими фальцетами повторили Коля и Саша.

3

В декабре 1941 года Цариков, Радзюк и Кудренко попали в партизанский отряд знаменитого «Бати». Бате понравилось открытое, смелое лицо шестнадцатилетнего Бориса.

— Будешь моим адъютантом, — коротко приказал

он и, подумав, добавил: — Только смотри, я трусов не люблю...

Через три месяца в морозное февральское утро Батя дал первое ответственное задание Борису. Немцы выслали против партизан карательный отряд. Надо было разведать его силы и план окружения партизан. Борис натянул на себя рванный зипунишко крестьянского мальчика, перекинул через плечо заплатанную торбу с тремя картошками и пошел прямо в немецкий штаб.

— Откуда ты есть, мальчик? — спросил по-русски немецкий офицер в пенсне.

Борис стал рассказывать заранее придуманную историю о том, как он ехал из Витебска с родителями, как по дороге разбомбили поезд и родители погибли, а теперь он уже пешком пробирается в свою деревню. Борис говорил по-детски застенчиво, притворно робея и вдаваясь в ненужные подробности. Похоже было, что офицер разжалобился; он приказал покормить Бориса, подсел к столу, завел разговор о белорусских деревнях и вдруг начал расспрашивать Царикова о партизанах. Борис упрямо повторял рассказ о Витебске и погибших родителях. Офицеру надоел этот бесплодный разговор, он вскочил и, размахивая кулаками перед лицом Царикова, закричал:

— Не смей отпираться, мальчишка-партизан! Ты подослан своей шпионской организацией наносить вред германской армии и власти фюрера. Сейчас же рассказывай о своей шайке, или расстреляем!..

Борису стало ясно, что в отряд пробрался предатель, который успел донести немцам, что к ним послан разведчик. Вот почему ему так легко удалось проникнуть в штаб, вот почему стал угощать его обедом офицер. Стиснув зубы, Борис молчал.

Не добившись от него больше ни слова, немец с размаху ударил Бориса кулаком по зубам. Борис покачнулся, но снова промолчал.

— Расстрелять! — крикнул офицер.

Утром Борис посадили на грузовик и вместе с двумя арестованными колхозниками повезли на расстрел. На шоссе грузовик влился в бесконечный поток немецких машин, везших солдат и боеприпасы на восток.

День был ясный, морозный. Борис старался представить, что это последние минуты его жизни, и не мог... Все так же рядами сидели галки на заиндевевших проводах, гнулись на ветру тонкие березы, светило красное февральское солнце. У Бориса до боли сжалось сердце при мысли о том, что он больше не вернется в свой отряд, не увидит Батю, что он умрет, не отомстив немцам. Сгоречью подумал он о клятве в Лоеве. Бежать?.. Но на грузовике пять конвойных, и кругом немцы. И все-таки нужно попытаться бежать. Хуже смерти ничего не будет. Борис стал ожидать, когда машина поедет к краю дороги и ему удобнее будет спрыгнуть. И вдруг из-за облаков появились советские самолеты и начали обстреливать немецкие колонны. Задыхаясь от радости, Борис стоял на грузовике, наблюдая смятение, охватившее немцев. Машину резко трянуло. Снаряд от пушки «Ила» попал в мотор. Осколки убили водителя и двух конвойных, остальные разбежались. Борис спрыгнул с машины и вихрем помчался в лес...

Через несколько дней, вместе со старым партизаном колхозником Зоркачом, Борис шел на новое задание. Была глухая зимняя ночь. Лесная чаща казалась непроглядной. Но у железной дороги деревья были срублены, и на белом снегу отчетливо чернел немецкий дзот. Около телеграфного столба виднелся темный силуэт часового.

— Боятся нас немцы — на полкилометра вырубил лес, — прошептал Цариков.

— Конечно, боятся. А ты слышал, что рассказывал Батя про немецкие караулы? — спросил Зоркач.

— Слышал, да я и до этого знал. У каждого теле-

графного столба стоит сторож. При появлении незнакомого человека он обязан бить по столбу мешочком со стреляными гильзами от винтовочных патронов. Через каждые пять столбов стоит немецкий автоматчик. В железнодорожной будке их целое отделение. — Цариков отвечал быстро, как зазубренный урок: очень хотелось ему казаться опытным партизаном.

— Так-то оно так... Только мал ты еще для нашего дела. Взорвать военный эшелон — не курятину кушать у немецкого офицера. Такое дело можно поручить бывалому человеку. Боюсь, молод ты очень.

— Не бойтесь, дядька!.. Батя знает, кому доверяться!

Цариков надел белый маскировочный халат и пополз от опушки леса к железнодорожному полотну. Он старался как можно глубже зарываться в снег. Затаив дыхание, он прополз между двумя столбами. Часовые его не заметили. Облегченно вздохнув, Борис спустился на дно рва, зарылся в снег и стал ожидать поезда.

Поднялась вьюга. Снег покрыл Бориса с головой. «Лучшая маскировка», думал он поеживаясь.

Прошли бесконечные томительные два часа. Поезда все еще не было. К телу примерзла взмокшая от пота рубаха. Борис чувствовал, что он обледеневаает, но продолжал неподвижно лежать, зарывшись в снег.

«Дождусь, вытерплю, дождусь», повторял он про себя.

Наконец вдали показались движущиеся лучи прожектора.

«Идет дрезина, — значит, скоро будет и поезд», подумал Борис. С треском и грохотом автодрезина промчалась мимо него. Немцы освещали прожекторами железнодорожное полотно. Автоматчики простреливали из пулеметов лежащий впереди путь.

Через несколько минут раздался гудок паровоза. Осторожные немцы пустили впереди эшелона паровоз с

пустой платформой. Об этой уловке врага Цариков слышал еще раньше и продолжал терпеливо ждать появления воинского эшелона.

Наконец долгожданный час настал. Цариков сразу преобразился. Он забыл о холоде, сердце стало биться сильнее. Опираясь на левую руку, он приподнялся, крепче прижал к груди толовый заряд и пополз к полотну.

Паровоз был не дальше чем в 200—300 метрах. Цариков положил заряд между рельсами, во взрывчатый капсульт вставил шомпол и побежал от линии.

Через минуту позади него раздался оглушительный взрыв. Борис оглянулся. Пламя и дым вылетели из-под колес паровоза. Он слышал грохот слетающих с рельсов вагонов, беспорядочную стрельбу часовых. Пользуясь паникой, Цариков проскочил мимо телеграфных столбов, разыскал Зоркача и вместе с ним благополучно вернулся в отряд.

— Молодец, Цариков. Будешь награжден, — сказал Батя, выслушав доклад Бориса.

В тот же день Цариков был принят в комсомол. Днем позже в отряде стало известно, что Цариков пустил под откос эшелон с семьюдесятью танками, из которых двенадцать сгорели, а остальные были сильно побиты. Вся охрана эшелона погибла.

Спустя несколько месяцев Царикова вызвали в Москву. Там он получил свой первый орден — орден Красного Знамени. Борису предлагали отдых, но он отказался и вступил добровольно в действующую армию.

В соединении полковника Власова Цариков с боями прошел от Орла до берегов седого Днепра. В качестве разведчика он первым переправился через Десну. Второй орден Красного Знамени засиял на его груди.

В лунную октябрьскую ночь передовые части полковника Власова с боями прорвались к Днепру.

Незаметно, скрываясь в кустарнике, они приближались к берегу. За авангардами тянулись батальонные кухни, артиллерийские орудия, на телегах и катках двигались плоскодонки. Еще по дороге к Днепру бойцы вязали плоты. Вслед за дивизией везли понтоны, предназначенные для тяжелой артиллерии и главных сил.

Бойцы остановились недалеко от реки, стали рыть землянки и блиндажи.

Прислонившись к высокой сосне, Цариков задумчиво смотрел на правый берег. Там, за Днепром, лежала родная Белоруссия — палисадник с жасминовыми кустами, детские мечты об Арктике и первое настоящее горе. Молча подошел Борис к товарищам, взял свой котелок и не спеша направился к реке.

Стоя на коленях на берегу, Борис пил днепровскую воду, и с каждым глотком легче становилось у него на душе. Два года назад немец прогнал его с берегов Днепра. Сейчас он гонит немца, и будет гнать до той поры, пока не освободит русскую землю от фашистской нечисти.

Борис еще раз зачерпнул воды в котелок и отправился обратно. Когда он вернулся, товарищи уже заканчивали землянку и встретили его насмешками.

— Ох, поспешил, браток! Еще бы минут двадцать — и печка была бы готова, а теперь придется, глядишь, и самому тебе руки к работе приложить, — говорил Женя Осетров, признанный поэт и остряк в полку.

— Что прикажете сготовить, Борис Андреевич: картошку в мундире или кашку натуральную? — подхватил другой боец.

— Где ты пропадал, Борис? Ребята ругаются, — набросился на Царикова его друг Иван Капустин, рабо-

тавший за себя и за товарища. Борис протянул котелок Капустину.

— На, пей. Хорошая вода. Днепровская...

Капустин не понял. Он обиженно глядел на Царикова, но Осетров вдруг сделался серьезным, взял котелок и поднес к губам. Котелок пошел по рукам. Пили все бойцы в торжественном и строгом молчании. И такое величие было в этом единении солдатских душ в одном общем, без слов понятном порыве, что Осетров достал из походной сумки карандаш и забился в угол землянки, поставив возле себя коптилку. Когда поспела картошка, варившаяся на таганке, он прочитал свои новые стихи.

Росы густые ползут с луговины,
Ливень шумит о начале утра,
Веет в лицо древнерусский, былинный
Ветер с Днепра, ветер с Днепра...

Пусть же приблизится час переправы,
Пусть канонада нас в бой позовет,
Ветер с Днепра — ветер дедовской славы —
Шепчет бойцу: «Тебя родина ждет»...

Не успел Осетров кончить, как в землянку вошел командир разведывательной роты, старший лейтенант Зелинский.

— Стихи читаете? — спросил он. — Это, конечно, хорошо. А вот плохо, что не знаем мы точно, что творится сейчас на том берегу. Значит, нужно наведаться туда... — Лейтенант замолчал и испытующе посмотрел на бойцов.

Цариков шагнул вперед.

— Я пойду, я местный житель, — сказал он и добавил совсем уже не по-военному: — Белоруссия — моя родина, она меня примет и врагу не выдаст...

Товарищи повернулись к нему.

— С Цариковым и мы пойдем, — слышалось несколько голосов.

— Нет, больше одного не нужно, — возразил старший лейтенант и вышел из землянки вместе с Борисом.

Второй раз в эту ночь Цариков направился к берегу Днепра.

Холодная и темная гладь воды поблескивала за камышами. На ней серебрился лунный столб. На правом берегу, в темноте, виднелись огни: немецкие часовые грелись у костров. Как стена крепости, стоял в темноте высокий обрывистый берег. Там укрепился враг. Оттуда немцы, контролируя местность вокруг, вели огонь по левому берегу и по самой реке.

Цариков напряженно всматривался в темноту. Он понимал всю сложность обстановки. Немецкие войска отходили к Днепру, стекаясь к немногочисленным днепровским мостам. В местах переправ фронт немецкого отступления принимал форму воронки: широкий поток немецких дивизий и узкое горло переправы. Из этого горла немцы вновь растекались по правому берегу и занимали оборону. Надо было перебросить первых бойцов через Днепр, пока поток немецких дивизий еще не окончательно разлился по сторонам и не застыл плотным фронтом на правом берегу. Борис знал, что от успеха его разведки зависит переправа, а значит, в известной мере и освобождение Белоруссии. И это сознание придавало ему силу и дерзость.

Он нашел доску, разделся, привязал к доске ремнем вещи и вошел в холодную воду. Толкая доску перед собою, он бесшумно плыл к правому берегу. Перед ним открылась почти полукилометровая ширина реки. Борис не знал, что ожидает его на западном берегу. Мысль о смерти ни на минуту не приходила ему в голову — такая бодрая уверенность царила в его душе, так радостна была ему долгожданная встреча с Днепром.

Доска ткнулась концом в отлогий берег. Борис вышел из воды, дрожа от холода, быстро оделся и пополз вдоль берега, присматриваясь к кострам, стараясь запомнить расположение немецких позиций. Весь берег был изрезан траншеями.

Пройдя вдоль берега около километра, Цариков установил расположение прибрежных огневых точек. Но он понимал, что это была еще не основная линия укреплений немцев, и решил проникнуть глубже в расположение противника.

В извилистой линии траншей он нашел такое место, где сумел пробраться в тыл врага. И, как только очутился он за передним краем обороны, его вдруг встревожила мысль, что он не успеет вернуться к своим до рассвета. Взглянул на часы — двадцать восемь минут третьего. Нужно было торопиться. Он прополз метров четыреста. Кругом — ни звука. Тишина. Это казалось странным, заставляло быть еще осторожнее. И вдруг кто-то близко кашлянул. Борис замер. Чутье опытного разведчика подсказывало ему, что где-то здесь должна проходить вторая линия. И действительно, в нескольких шагах от себя он заметил новые окопы. Немцы были рядом.

Около полутора часов Цариков ползал между укреплениями врага. На каждом шагу его подстерегала смерть. Нервы были напряжены до крайности, но железная выдержка и какое-то радостное чувство, похожее на вдохновение, владевшее им всю эту ночь, не позволили ему сделать ни одного неосторожного шага. Возвращаясь обратно, Борис наткнулся на берегу на спрятанную немецкую понтонную лодку. На этой лодке к концу ночи он вернулся к своим.

Борис доложил командиру соединения обстановку правобережья и дал точные координаты для артиллеристов.

Утром левый берег ожил. Работа кипела на каждом клочке земли. Бойцы чинили лодки, вязали плоты. В этой хозяйственной солдатской суете было что-то радостное, напоминавшее о мирной трудовой жизни, словно за крутыми днепровскими берегами чудилось возвращение к свободному труду.

Под осыпающимися тополями шло комсомольское собрание. В честь двадцатипятилетия ВЛКСМ комсомольцы решили первыми переправиться через Днепр. Тут же, на собрании, была создана комсомольская десантная группа из тридцати трех человек под командованием капитана-комсомольца Гордополова. Десант должен был переправиться на правый берег ночью...

В 2.00, когда все переправочные средства были подтянуты к берегу и люди выстроились на своих местах, Цариков, которому вручили знамя, обратился к товарищам:

— Ребята, мы с вами прошли не одну реку. Теперь перед нами Днепр. На том берегу ждут освобождения. Я сам белорусс, и я отомщу немецким палачам за поруганную родину, разоренный город, за гибель моих родителей. Руками, зубами уцепимся за тот берег — и ни шагу назад!

Его последние слова покрыл оглушительный залп — сигнал, данный артиллеристами. Раздалась команда:

— Лодки на воду!

Кто-то крикнул вслед:

— Гордопольцы, не подкачайте!..

И ответные голоса потонули в громе орудий. Земля содрогалась от этого грохота, колыхалась вода. В воздухе загудели самолеты. И вдруг стало светло, как днем. На правом берегу немцы запалили деревню Каменку, в небе повисли ракеты, река стала огненной.

Плоты и лодки десантников медленно двигались

вперед. Вокруг рвались снаряды и мины, с шипящим свистом падали пули. Река бурлила от разрывов, белые столбы воды вздымались вверх. Ветром и течением лодки разгоняло далеко друг от друга. Нельзя было допустить, чтобы немцы могли расправиться с каждой лодкой в отдельности. И у бойцов немало уходило сил на то, чтобы держать лодки вместе.

Со знаменем в руках Цариков плыл вместе с капитаном Гордополовым в той самой понтонной лодке, которую он пригнал с правого берега. Немцы взяли лодку под обстрел и стали класть возле нее снаряд за снарядом. Вода то и дело окатывала смельчаков. Тяжелая мина разорвалась рядом. Ранило трех бойцов. Но лодка медленно, неуклонно двигалась вперед.

— Нажмем, нажмем, ребята, берег недалеко, — подбадривал Цариков товарищей, и они изо всех сил налегали на весла.

До берега оставалось метров сорок-пятьдесят. Бойцы прыгнули с плотов и лодок и, на ходу стреляя из автоматов и винтовок, выбрались на сушу.

Впереди всех бежал Цариков. Немцы с особенной яростью целились в этого юношу со знаменем в руках.

Как только смельчаки оказались на берегу, они сейчас же принялись окапываться. Небывалый восторг владел Борисом. Никогда, ни в одном другом бою не испытывал он такого подъема, такой радости. Он водрузил красный флаг на самом видном месте и кинулся помогать товарищам.

Не успели комсомольцы окопаться, как немцы пошли в атаку. За ней последовала вторая, третья. На прибрежных холмах и курганах развернулась напряженная борьба. Здесь дрались не за широкие пространства, а за метры опаленной, израненной разрывами, политой кровью земли, — дрались не на жизнь, а на смерть.

Сколько нужно было мужества, веры в себя и в своих боевых товарищей, чтобы, уцепившись за ма-

ленький клочок земли, оставшись отрезанным от своих
гладью широкой реки, стоять насмерть и не сделать
ни шагу назад!

— Держись веселее, ребята! Ведь мы не в гостях, а
на своей родной земле, — подзадоривал Цариков бойцов.

Он был комсоргом десантной группы и старался дер-
жать в поле зрения всех своих комсомольцев.

Немцы в четвертый раз пошли в атаку. Эта атака
была еще более яростной, чем первые три. Но твердо
стояли на правом берегу комсомольцы, и снова немцам
пришлось откатиться назад.

Когда наступил минутный перерыв, Царикова вызвал
к себе капитан Гордополов.

— Немцы устанавливают новые огневые точки. Не-
обходимо уточнить их расположение и сообщить в штаб
дивизии! Я поручаю это дело тебе...

— Есть! — ответил Цариков, козырнув, и быстро на-
правился выполнять приказ командира. Он услышал за
собой голос капитана:

— Я в тебя верю, Цариков!

И теплота этих слов будто влила новые силы
в Бориса.

Переползая с места на место, прячась за низким и
густым кустарником, он засекал новые огневые точки
врага. Теперь надо было сообщить о них нашей артил-
лерии. А связи с левым берегом еще не было.

Не раздумывая, Цариков переправился на утлой лод-
чонке под ураганным огнем противника, сообщил со-
бранные сведения в штаб и снова приплыл обратно..

Девять раз в этот день переправлялся он с донесе-
ниями с берега на берег. С правого берега, укрытая где-
то в складках высоты, непрерывно стреляла артиллерия.
Снаряды пролетали над самой лодкой. Ожесточенно
рыча моторами, парили немецкие бомбардировщики.
Бомбы падали в Днепр, в воздух взлетали огромные
столбы воды, и волны горячего воздуха обдавали Бориса.

Каким сверхчеловеческим усилием воли держался весь этот день восемнадцатилетний боец? Что заставляло его каждый раз точно выполнять приказы командира, как будто действовал он не в крошечном аду переправы, а в условной обстановке маневров? Когда впоследствии Борис вспоминал об этом октябрьском дне, то не ужас и страх вспоминались ему, а преодоление сознанием воинского долга инстинкта самосохранения. Ощущение удачи, боевой гордости, не безрассудной лихости, а какого-то собственного физического совершенства и ловкости владели им в эти часы. Особенно врезался в память последний рейс.

Капитан Гордополов приказал:

— Езжай на тот берег, привези обед для всех, а с собой захвати раненых.

Найдя на берегу брошенный плот, Цариков с помощью других бойцов погрузил на него раненых и отчалил. На середине реки крупнокалиберная мина разорвалась рядом с плотом. Взрывная волна снесла в воду трех раненых. Борис молниеносно сбросил с себя одежду, кинулся в реку и спас всех трех бойцов.

На восточном берегу обед уже был готов. Не задерживаясь ни одной лишней минуты, Цариков погрузил на плот термосы с обедом, захватил с собой несколько бойцов и отправился в обратный путь.

На этот раз артиллерия врага молчала, но зато с высоты, еще не занятой нашими войсками, немцы вели по плоту прицельный пулеметный огонь. Один из бойцов, которых Цариков вез в подкрепление комсомольской группе, был тяжело ранен. Борис сделал ему перевязку. Пули, словно град, цокали по воде, но бойцы на плоту больше не понесли потерь и благополучно причалили к берегу.

Вечером, сидя за обедом — первым обедом на правом берегу Днепра, Цариков не думал, конечно, что главный бой у него еще впереди.

В двенадцатом часу ночи Гордополов снова вызвал Царикова к себе.

— Устал? — коротко спросил он его.

— Нет.

— Положим, это неправда. Ну, да все равно: есть серьезное дело. Немецкие огневые точки, расположенные левее нас, мешают нашему продвижению. Их нужно подавить. Поручаю эту задачу тебе. Собери бойцов и команду. Соединимся в Лоеве. Действуй!

От командирского кустика Цариков направился прямо к берегу Днепра. Собрал бойцов, объяснил им обстановку и задачу.

Когда его группа заняла исходное положение, было еще темно. Немцы и не подозревали, что у них под носом больше шестидесяти бесстрашных героев. Здесь были в подлинном смысле слова герои. Живыми или мертвыми, все они получили потом это высокое звание. Цариков стал во главе своего отряда.

— Слушай мою команду! Ротой команду я, ефрейтор Цариков, — вполголоса сказал он.

Ползком, скрываясь за кустарником и валунами, отряд вплотную подошел к немецкой траншее.

В воздухе повисла белая ракета. Цариков вскочил на ноги и громко скомандовал:

— Вперед, товарищи! За родную Белоруссию!

Завязалась рукопашная схватка. Штыками и прикладами немцы были выбиты из первой траншеи. Они побежали к высоте, где проходила вторая линия их обороны. Бойцы бросились следом за ними на штурм высоты.

Теперь все решала быстрота. Завладев глинистой, почти неприступной кручей, бойцы могли без особого труда отражать атаки превосходящего силами противника. Цариков это прекрасно понимал. Он видел также, что в эту ночь энтузиазм бойцов, их воинский дух высоки, как никогда. И с громким криком, воодушевляя

бойцов, он первым ринулся к немецким траншеям. Бойцы не отставали от Царикова, и после короткого штурма высота была взята.

Наступила небольшая передышка. Бойцы с уважением смотрели на своего восемнадцатилетнего командира.

— Цариков, ты раньше учился в военной школе? Да? — спрашивал его розовощекий юноша, Герман Шакиров.

— Конечно, учился. Мне, друг, восемнадцать стукнуло. Третий год в армии — третий год учусь, — солидно ответил Цариков, стараясь быть похожим на старого солдата, бывалого вояку — вроде Зоркача из отряда Бати.

Немецкий снаряд, разорвавшись рядом, прервал разговор. Огневой налет продолжался двадцать минут. Больше полутора тысяч снарядов и мин бросил враг на эту высоту, которая даже на километровой карте была не больше спичечной головки. Казалось, не было места на этом клочке отвоеванного берега, куда бы ни упали снаряд, мина или пуля. Наскоро открытые в песке, ячейки осыпались. Забитые песком, автоматы отказывались работать. Цариков расстегнул ремень, открыл фляжку с водкой, промыл автомат, вытер его рукавом рубашки.

Немцам казалось, что прижатая к земле кучка бойцов не сумеет выдержать их натиска. Они кричали:

— Рус! Иван! Сдавайся!

Но в ответ им летели пули, гранаты. Немцы пошли в контратаку. Больше сотни врагов наседали на героев. Наши беспрерывно вели огонь. Цариков убил в этой схватке двадцать фашистов. Боеприпасы подходили к концу. Бойцы один за другим говорили, что у них нет больше патронов. В эту минуту Цариков взглянул на соседа. Их глаза встретились, и тут впервые за весь этот трудный день Борис испугался.

В глазах товарища он прочитал мысль: «А может быть, отступим?..»

— Эй, Капустин! О чем думаешь? Брось! — закричал Борис. — У меня за пазухой граната — НЗ моей жизни. Если сил не станет, взорвемся сами вместе с врагом!

Эти слова будто встряхнули Капустина. Он снова схватил автомат. В эту минуту его ранило. Но и раненый, Капустин продолжал вести огонь.

Атака была отбита. Борис видел, как немцы, отбежав метров за двадцать в кусты, залегли и окопались. Они не стреляли. Не могли стрелять и бойцы Царикова — патроны все вышли. Цариков лежал и смотрел на немцев, мучаясь сознанием своего бессилия.

И вдруг один из немецких солдат встал во весь рост и крикнул:

— Эй, рус, ползи к нам! Все равно вам капут! Спаси свою жизнь!

Цариков молчал. Он старался придумать, как можно бить немцев без патронов. Потом приготовил противотанковую гранату, вылез из окопа и прямо пошел к немцам. Не успел он пройти и десяти шагов, как немцы дружно заорали:

— Руки, рус, подымай! Руки!..

Цариков, не останавливаясь, развернулся, метнул гранату и опрометью побежал к своим. Не успел он отбежать и двух шагов, как ему под ноги упала немецкая граната. Он подхватил гранату с земли, швырнул немцам обратно их смертоносный подарок и благополучно добежал до своего окопа под ливнем пуль.

Все время капитан Гордополов следил за действиями Царикова. Он догадывался, что у бойцов, переправившихся через Днепр, боеприпасов надолго хватить не может. Тишина на левом фланге подкрепила его подозрение. Немедленно он послал к Царикову боеприпасы и десять автоматчиков на подмогу.

Цариков решил неожиданно атаковать немцев. Он сказал бойцам:

— «Удивить — победить», говаривал Суворов. Немцы ждут, когда мы им в плен сдадимся, а мы на них — в атаку!

На подготовку было дано пятнадцать минут. В атаку поднялись двадцать восемь человек. Немцев было вдвое больше. Расчет Царикова оправдался. Немцы не выдержали неожиданного удара и побежали. Бойцы Царикова преследовали их по пятам, уничтожая одного за другим. Смелчаки проникли в немецкий тыл и остановились, услышав почти рядом с собой, за холмом, выстрелы пушек.

Вражеская батарея находилась в двух шагах. Герои решили уничтожить ее. Ползком, плотно прижимаясь к земле, бойцы продвигались к холму. Когда они выскочили из-за холма и оказались у самой позиции батареи, немцы, ошеломленные их появлением, кинулись бежать. Добежав до траншеи, находившейся в пятидесяти метрах от артиллерийских позиций, немецкие солдаты открыли огонь. Бойцы во главе с Цариковым стремительно бросились к траншее. Весь расчет батареи был перебит. После этого бесстрашные герои вывели из строя все немецкие орудия.

Вечером, когда наши войска с боем заняли город Лоев, цариковцы вошли в него с юго-восточной стороны.

Горькие воспоминания об осени сорок первого года, о боевых товарищах Саше Радзюке и Коле Кудренке, погибших в партизанском отряде, не могли заглушить в душе Бориса праздничного чувства радости победы. Он попытался найти улицу, на которой стоял дом Дениса Радзюка, но немецкие самолеты стерли ее с лица земли.

На лоевских улицах Борис встретил капитана Гордолова. Офицер обнял и расцеловал Бориса. Он хотел

сказать ему много, но вместо этого только махнул рукой и еще раз прижал к груди своего бойца.

Цариков и Гордополов направились к западной окраине города вслед за войсками, гнавшими поспешно отступающего врага.

На минуту больно сжалось сердце Бориса, когда он увидел деревню, где перед уходом в партизанский отряд он был свидетелем немецких зверств. У околицы стояли изможденные, худые крестьянки, седобородые белорусские деды, малые ребятишки — все, кто уцелел от угона на немецкую каторгу. Среди этой толпы, приветствовавшей своих избавителей, Борис узнал старуху, когда-то давно рыдавшую над обгорелым трупом сына. Он так и рванулся к ней, — сейчас это был единственный знакомый человек, уцелевший на его родине. Вся Белоруссия будто воплотилась для него в этой сгорбленной старухе с гордым и радостным лицом.

— Мать, — крикнул он, — помнишь клятву? Ото-мстили, вернулись.

И старуха, будто и в самом деле помнила его, кивала ему головой и улыбалась.

— Со свиданьем, сынок!.. Счастья и здоровья, победы впереди...

Шли войска на запад. А позади Днепр величаво катил свои волны. И через его воды наши героические полки несли свои знамена на землю правобережной Белоруссии.

«За успешное форсирование реки, прочное укрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр и проявленные при этом отвагу и героизм», как сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР, Борису Царикову, одному из первых героев Днепра, присвоено звание Героя Советского Союза.

